

Андрей ГАНИН

«Зажглась кровавая заря...»

*Оренбургские казаки
на сопках Маньчжурии*

28 января 1904 года Оренбург облетела страшная новость — война. Это слово к 1904 году было прочно забыто в России, относительно мирно существовавшей уже более четверти века. Частные мобилизации вскоре достигли и Оренбургской губернии, в которой на войну были призваны казаки второй очереди. Первоочередные казачьи части (за исключением 1-го Оренбургского казачьего полка), несшие службу в Варшавском, Киевском и Туркестанском военных округах, мобилизации не подлежали — они были необходимы для обеспечения безопасности внутри Польши и в промышленных центрах Европейской России¹.

В среде высшего японского генералитета накануне войны было распространено пренебрежительное отношение к казакам. Так, по мнению начальника второго отделения японского Генерального штаба генерал-майора Я. Фукушимы, современный казак «представляет из себя простого мужика, слава которого опирается только на наполеоновские легенды; иногда он храбр, иногда нет, совершенно так же, как и прочие земляпашцы; но он никогда не дисциплинирован и почти всегда плохо обучен и находится под командой плохих офицеров»². Другой японский генерал незадолго до войны утверждал: «Да, знаю, нас хотят напугать казаками. Но вспомните, что пред нашей войной с Китаем нас тоже хотели напугать монгольской кавалерией, которая, — предвещали нам, — ураганом сметет нашу маленькую армию. Мы скоро увидим, что особенно большой разницы между монгольской конницей и казаками нет. И любое одно из этих двух пугал не страшнее другого»³.

«Первая стычка казаков с японцами в Корее». Плакат времен русско-японской войны 1904–1905 гг. Из коллекции РГАДА. Репродуцируется впервые.

Такая характеристика не вполне соответствовала действительности. Казачество к началу XX века все еще оставалось мощной военной силой. Кроме того, казаки были неприхотливы, легко держались в седле, чем-то напоминая иностранцам мифологических кентавров⁴. По мнению британского военного корреспондента при русской армии Френсиса Маккаллога, казаки были наиболее прочной опорой, которую имел трон⁵. Другой британец — М. Барринг писал, что они были «восхитительной породой людей, добродушных, терпеливых и изобретательных. В действительности они очень сильно напоминали ирландцев. Они часто откровенно по-детски глупы, ссорились и бранили друг друга, но никогда не доходили до драки. Они были необычайно изобретательны в поиске пищи и создании для себя и окружающих удобств путем постройки жилищ и устройства очагов из подручных средств»⁶.

Похожую характеристику казаков привел в письме домой молодой офицер 2-го Аргунского казачьего полка Забайкальского казачьего войска П. Н. Врангель: «...я близко познакомился с казаками. Уровнем развития, инициативностью, находчивостью они значительно превосходили солдат регулярной армии. Удиви-

тельной была их способность ориентироваться на местности в любое время суток. Казак безошибочно выбирал верный путь и в густом тумане, и темной ночью...»⁷

Казаки второй очереди, принявшие участие в боевых действиях против японцев в составе оренбургских казачьих частей, не являлись новичками на военной службе. Это были мужчины в возрасте от 25 до 29 лет, которые после предварительного обучения в период с 1896 по 1903 год отслужили по четыре года на действительной службе в частях первой очереди, после чего ежегодно закрепляли полученные навыки во время весенне-летних лагерных сборов, а также каждую осень участвовали в традиционных станичных смотрах. Практически все казаки второй очереди были женаты и имели детей: в Оренбургском казачьем войске мужчины обзаводились семьей, как правило, до вступления на действительную службу даже в части первой очереди, то есть до 21 года⁸.

Уровень выучки казаков вызывал серьезную озабоченность еще до войны. Особенно это относилось к стрелковой подготовке, умению согласованно действовать в пешем и конном строю и дисциплине. Низкий уровень стрелковой подготовки русского солдата (в том числе и казака) отмечал

британский военный агент при 1-й японской армии генерал-майор сэр Ян Гамильтон: «Русский солдат — самый плохой стрелок по сравнению со стрелками других больших армий Европы... Русский солдат выпускает небольшое количество пуль во время практической стрельбы, и то большей частью залпами. Залп — это полное отрицание меткой стрельбы, так как он не допускает индивидуальности стрелка, потому что стрелок никогда не знает и не может знать, была ли его пуля в числе промахов или попавших в цель»⁹.

Русско-японская война даже в высшем военном руководстве первоначально считалась лишь «крупной экспедицией»¹⁰. А. А. Свечин писал, что «японская армия обратилась в армию младенцев, с которой может справиться хороший конный отряд»¹¹. Поэтому многие офицеры частей, не подлежавших мобилизации, в первые же дни японской кампании подали рапорты об отправлении на театр военных действий и всерьез опасались «не успеть» на эту войну.

Многие добровольцы, отправившиеся на Дальний Восток из казачьих частей, попали на службу в казачьи полки Амурского, Забайкальского, Уссурийского и Сибирского казачьих войск (из них наиболее известны П. Н. Врангель, А. И. Деникин, П. П. Скоропадский, П. Н. Шатилов). Это хлесткое стихотворение про них:

*Зажглась кровавая заря;
По мановению царя
Зашевелились казаки,
Сформировались полки.
Заговорили резонеры,
И полетели гастролеры.
Здесь пестрота царит мундира:
Здесь можно видеть кирасира
И конно-гвардии свинов,
Но все под маской казаков,
Но лишь гроза войны пройдет,
Начнется спешный их отлет.
Чины, медали, ордена
Им даст далекая страна.
И, взявши все, вспорхнут фазаны¹²,
А нам останутся лишь раны,
Плохой сомнительный почет
И в офицерах недочет¹³.*

Не соглашаясь с подобной оценкой добровольцев, которые рисковали жизнью и с большим трудом добивались разрешения командировок в Маньчжурию, отметим, что в Оренбургской казачьей дивизии таких офицеров не было: ее мобилиза-

ция проходила значительно позже. 48 оренбургских казачьих офицеров добровольцами сражались в составе сибирских, амурских, забайкальских и уссурийских казачьих частей¹⁴.

Начальником дивизии был назначен генерал-майор Владимир Павлович Греков. Он родился 18 июля 1852 года и по происхождению был оренбургским казаком. В службу вступил в 1870 году и принял участие в экспедициях 1873, 1875–1876 и 1880–1881 годов в Среднюю Азию. Упомянутый выше Маккаллог писал: «Греков — невысокий полный румяный человек с пушистыми бакенбардами, который очень любит застольные удовольствия и в свое время получил известность в Мукдене из-за того, что околавиваясь возле продовольственного вагона Экономического общества в надежде приобрести некоторые свежие деликатесы для своего стола, так что он едва ли подходил для того, чтобы ему доверили управление в этот решающий момент, и, по правде сказать, некоторые русские приписывают поражение в сражении (под Мукденом. — А. Г.) тому неэффективному способу, посредством которого на начальном этапе сражения этот кавалерийский начальник управлял своими казаками»¹⁵.

Командирами Оренбургских казачьих полков были назначены: 9-го — войсковой старшина П. А. Чулошников; 10-го — войсковой старшина Н. Н. Волжин; 11-го — войсковой старшина М. Г. Гурьев; 12-го — войсковой старшина Г. А. Бычков и 1-го — полковник А. М. Николаев. Все они получили назначения по решению наказного атамана генерал-лейтенанта Я. Ф. Барабаша и твердо дер-

жали части в своих руках. Войсковой старшина Волжин писал: «Пьянство на первых же шагах из г. Верхнеуральска я наотрез обрезал, и сей мерзоты не стало. За малейшую попытку терроризирую. Тем не менее непрестанно боремся с труднопобедимой склонностью нижних чинов одеваться нищенски — грязно, не самолюбиво и знатно поленившись около коня...»¹⁶

Не всегда удачен был подбор младших начальников, в частности командиров сотен. В дивизию попали «неизлечимо больные офицеры и хроники, которые могли кое-как продолжать тянуть службу в мирное время, считая вопросом чести участвовать на войне или же в худшем случае — имущественно или по службе выгодным, вскоре же после первых походных и боевых трудов [они] надламывались и заболели настолько серьезно, что поступали в госпитали и некоторые умерли, некоторые эвакуировались»¹⁷.

Проводы на войну проходили в духе казачьих традиций. Очевидец таких проводов 17 апреля 1904 года в станице Звериноголовской III (Троицкого) военного отдела записал: «Стоном стонала станица всю ночь: гуляло почти все население: лихая могучая песня мужских и женских голосов неслась со всех сторон: слез, плача не было, да их при проводах, особенно накануне, у казаков не бывает вообще: какое-то особенное, бодрое, удалое настроение охватило все население от старого до малого. Лихо заломив на затылок шапку, ходили отправляющиеся в поход, точно они шли на пир, а не на смерть: почуяв опасность, казак вырос во весь свой могучий рост; чувствовалось, что и донныне жив былой казак-

Николай II провожает на фронт казачью часть. 1904 г. РГАКФД.

*И в станице нас не стало, —
Распроццалися мы с ней.
Нас на площадь выводили,
И построили в ряды,
И чуть слышно говорили:
«Генерал будет суды».
Командир полка явился,
Он удалый молодец,
Принял знамя, помолился,
Полка нашего отец,
Нам молебн отслужили;
Он нам знамя передал,
Прочитал приказ военный,
«С Богом, брѣтцы!» — он сказал.
Мы в вагонах покатали
Дни и ночи и утра,
«Слава Богу», — говорили
И кричали все ура!»²⁰*

Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, казаков стали обучать теории и практике военного дела непосредственно в вагонах. Каждый день офицерам следовало проводить с казаками не менее четырех часов занятий. На остановках тренировали рубку шашками (видимо, пешими по конному) и другие практические приемы.

Лучше других смотрелся первоочередной 1-й Оренбургский казачий полк, казаки которого даже боев, по словам П. Н. Краснова, «раду ют сердце своим отличным воинским видом. Здесь нет запасных, и поэтому все люди молодцы! Одеты чисто, стрижены хорошо, даже справа по-донскому есть подвитой чуб, однофурменные серые рубашки, чисто выстиранные шаровары умело пригнаны, набор чистый, лошади в порядке; видна чья-то твердая рука, что, несмотря на боевые невзгоды, не позволила раскисать и распускаться. Здесь нет этого глупого ответа: «понимаю», когда парень, видно, ничего не понимает, а повторяют приказ толково: хорошо, скажут: «Дозвольте идти», и пошли исполнять приказание. Эти и разведку как-то точнее делают. Пишут не только, где неприятеля нет, а стараются указать, где есть»²¹.

Несмотря на хвалебные характеристики, накладкы при формировании дивизии все же произошли. Брак приведенных казаков строевых лошадей составил во II округе — 231 лошадь, в III — 94 лошади. Их пришлось заменять запасными лошадьми из станиц²². Части не были снабжены подрывным имуществом (оно для Оренбургской дивизии хранилось в... местечке Ораны Виленской губернии), нижние чины дивизионного обоза жаловались на получение

кий вольный дух... печали ни следа: шло одно общее удалое, необузданное казачье веселье: жить пока живетсѣ, а там хоть трава не расти. Только на свету несколько умолкла станица; занули мирным сном подгулявшие, — некоторые, может быть, последний раз под родным кровом»¹⁸. На дороге казакам собрали около ста рублей и всей станицей провожали в путь на следующий день.

Что же представлял собой казачий полк? Скорее всего, это была группа вооруженных людей, не знающая ни своих офицеров, ни однополчан, не имеющая опыта и обладающая край-

не неустойчивыми навыками ведения боевых действий. Даже офицеры зачастую не знали друг друга¹⁹. Уровень подготовки казаков вполне отражен в казачьей песне, сложенной в станице Нижнеозерной:

*Вдруг тревога там случилась,
И подняли красный флаг,
Разом все зашевелилось, —
Подступил к России враг.
Вмиг собрали нас в станицу,
Учинили нам смотры,
Каждый день нас посещали
Жены, матери, отцы.
По приказу командира
Заседлали мы коней,*

револьверов со следами ржавчины²³. Хуже всего обстояло дело с обеспечением дивизии медперсоналом. Один из врачей умер, другой, будучи из отдаленного уезда, не мог добраться до сборного пункта, третий, как выяснилось, вовсе не подлежал призыву. Полки остались без врачей не только на время мобилизации, но и в пути. В результате было мобилизовано много больных, в том числе ревматиков и сифилитиков.

Оренбургские казацкие части должны были принять участие в боевых действиях без какой-либо подготовки и фактически сразу по прибытии в Маньчжурию. 3 июня 1904 года всего через три часа (!) после приезда три сотни 12-го Оренбургского казачьего полка были направлены на свою первую рекогносцировку. На следующий день произошла первая стычка с японцами на Уй-Далинском перевале первой и четвертой сотен полка, которые хорошо себя проявили в бою. Уже после войны полковник А. Ф. Матковский писал: «Июнь и июль месяцы были первыми месяцами боевых столкновений; наши войска, тотчас по высадке из вагонов железной дороги, двигались в горы; уроженцы степей и равнин не имели времени привыкнуть к горам, приспособить свое обмундирование, выучиться ориентироваться в горах...»²⁴

Несмотря на непривычную обстановку и потери, казаки не унывали: «По низкому, только что всходившему гаолян паслись казачьи кони, в речке солдаты и казаки полоскали белье и умывались. Слышался беззаботный смех, веселый говор, где-то напевали «Разлуку»... Глядя на эту мирную обстановку, не хотелось верить, что тут бивак «передового» отряда, что за этими горами — уже неприятель...»²⁵

В ходе войны, по одному из свидетельств, «офицер и казак породнились, стали братьями, составили одну могучую сильную духом семью. В той же грязи на голой земле около своих коней спали командир и офицеры, завернувшись кто в бурку, кто в плащ»²⁶.

Как же вели боевые действия оренбуржцы? В «Указаниях начальникам частей Маньчжурской армии до ротного и сотенного командира включительно и всем начальникам штабов» от 15 апреля 1904 года сообщалось, что японская армия — «отлично организованная, хорошо всем снабженная, хорошо обученная и воодушев-

ленная отличным воинским духом вооруженная сила». При этом признавалась малочисленность японской конницы. «Если нашей коннице удастся уничтожить запасы или затруднить подвоз их, — отмечалось далее, — то японский конский состав в артиллерии и коннице скоро придет в расстройство. Многочисленные обозы, масса носильщиков представят хорошую цель для набегов нашей конницы и конных стрелков». Указывалось также, что японские военачальники «очень много времени расходуют на обдумывание решений, но обдумывают обстоятельно; быстрая перемена решений для них затруднительна. Неожиданно сменяющаяся обстановка ставит их в тупик, чем и следует пользоваться. Поэтому неожиданные нападения, демонстративные действия могут иметь особенный успех против японцев...»²⁷.

Казачьи отряды почти ежедневно принимали участие в разведках, поисках и рекогносцировках, многочисленных стычках с противником, но крайне редко имели возможность атаковать японцев в шашки. Воевать приходилось не только с японцами, но и с шайками хунхузов — жестоких и коварных противников, действовавшим в тылу армии. Они неожиданно нападали на отдельные солдаты и даже на небольшие отряды с целью грабежа, после чего так же внезапно исчезали. В конце августа 1904 года по неосторожности в плен к хунхузам попали подъесаул 6-й сотни 12-го Оренбургского казачьего полка Е. Кандалов и урядник Фомичев. Их повесили вверх ногами и расстреляли из ружей и луков²⁸. Ближе к осени оренбургские казаки набрались боевого опыта, причем очевидец отмечал, что «это была типичная ватага обстрелянных боевиков, запорожцев, одетых во что пришлось»²⁹.

В условиях горной местности остро вста-

вал вопрос снабжения частей всем необходимым. Во время боев под Ляояном 15 августа командир 1-го Оренбургского казачьего полка писал в штаб дивизии: «Продовольственный запас во вверенном мне полку состоит полностью: хлеб получается по мере надобности из полевых хлебопекарен 10 армейского корпуса; для довольствия мясом имеется порционный скот, пополняющийся своевременно попечением полка. При наступлении и действиях в горах безостановочная доставка в части полка провианта, фуража, патронов и воды, если последнюю не представится возможности добывать из естественных источников, будет производиться на мулах и лошадях вьючным порядком, для чего необходимо купить еще 60 мулов к имеющимся в настоящее время 30 мулам, причем все состоящие в полку обозные лошади будут обращены во вьючные. Для покупки недостающих мулов и вьючных принадлежностей командирован заведывающий (так в тексте. — А. Г.) хозяйством войсковой старшина Чигвинцев. Горячая пища будет приготавливаться нижними чинами в имеющихся у них медных котелках; потребное же количество мяса для

«Завтрак казака».
Плакат времен русско-японской войны 1904–1905 гг.
Из коллекции РГАДА. Репродуцируется впервые.

горячей пищи всегда возможно предотвратить сотням, имея порционный скот; кроме того Командиры сотен могут покупать для этого баранов и козлов на имеющиеся у них авансы, выдаваемые своевременно... Все нижние чины снабжены одной парой вполне исправных сапог, а половина из них имеет еще по одной паре годных сапог; шинели и палатки имеются у всех нижних чинов, и вообще недостатка в обмундировании нет, причем для обеспечения нижних чинов в будущем обувью полк сделает заказ по телеграфу на одну тысячу пар сапог Петербургской механической фабрике обуви; если же фабрика почему-либо не в состоянии будет выполнить заказ, то полку придется потребовать сапоги от интендантства... Надобности в винтовках и патронах нет; подвозка патронов в горах будет производиться на мулах...»³⁰ При действиях в жаркую погоду войскам рекомендовалось оставлять шинели и вещмешки, но всегда иметь при себе сухари и патроны.

В начале сентября в связи с походом казакам разрешили импровизировать с военной формой — добавились китайские халаты с нашитыми погонами, фуфайки и ватные куртки. Не хватало сапог. Но в целом проблема снабжения не только казаков, но и всей Маньчжурской армии была предметом особого внимания командующего и достаточно успешно решалась³¹.

При отступлении от Мукдена произошла катастрофа: русская армия обратилась в 120-верстное паническое бегство до Телина и далее к Сыпингайским позициям. Будь у японцев несколько кавалерийских дивизий с энергичными начальниками, русское отступление могло закончиться полным уничтожением армии. На железнодорожной станции Сухудяпу, к юго-западу от Мукдена, тысячи солдат, которые не ели в течение нескольких дней, грабили склады. Штыками и саблями бойцы открывали консервные банки, не замечая, как режут себе пальцы. Дикие сцены разворачивались возле емкостей с водкой. Драгоценная жидкость разливалась в кружки, котелки и даже в гильзы от японских снарядов. По воспоминаниям одного из очевидцев, «здоровый оренбургский казак в красной фуражке»³² прыгнул на одну из бочек, работая топором, при помощи которого он вскоре справился с днищем другой бочки среди диких воплей пьяного триумфа. Вид того казака в красной фуражке и разъяренной толпы, которая нарастала вокруг него, напоминала зловещие сцены из Карлейля»³³. Чтобы прекратить безобразия, склады подожгли.

Отряд Грекова, находившийся на одном из наиболее ответственных участков фронта, под Мукденом потерял двух офицеров и 27 нижних чинов — доказательство его полной

пассивности. Общие потери Оренбургской казачьей дивизии в сражении составили: один офицер и 6 казаков убитыми, два офицера и 19 казаков ранеными и контужеными и 19 казаков пропавшими без вести³⁴. Для сравнения: вся армия потеряла 8705 солдат и офицеров убитыми, 51388 ранеными и контужеными и 29330 пропавшими без вести и пленными. Несмотря на неутешительные итоги сражения, войска удалось относительно быстро привести в порядок.

Штаб Оренбургской казачьей дивизии расположился в городе Маймайка на Оренбургской улице³⁵. 22 мая 1905 года отряду Грекова был отдан приказ, чтобы при встрече разездов отряда с японцами казаки не упускали возможности атаковать противника в шашки. Военная служба превращалась в своего рода спортивное состязание. Самые отчаянные казаки вызывались идти в разведку, пробирались в расположение противника с целью посеять панику, устраивали засады, захватывали пленных, боролись с шайками хунхузов. При этом большинство казаков совершенно утратили интерес к событиям на Дальнем Востоке. По свидетельству этнографа Д. Зеленина, находившегося тогда в экспедиции на территории войска, «отношение казаков к продолжающейся войне вообще равнодушно, исключая, конечно, вопрос о мобилизации их полков. Какой-нибудь печали по случаю наших поражений не заметно. Наславшись про нынешнюю войну от раненых солдат, возвратившихся уже домой, здешние казаки потеряли последнюю охоту идти на войну. По сравнению с «войною на кошме», нынешняя война, когда «в час может погибнуть больше народу, чем прежде в месяц» (слова казака), когда даже «не видно, где и откуда в тебя стреляют», кажется прямо адом. Желание одно: поскорее бы война окончилась»³⁶. В то же время духовенство одного из округов Оренбургской епархии «устаами 30 000 населения... умоляло «не заключать позорного для России мира»...»³⁷. Так же были настроены и отдельные казаки. Ветеринарный фельдшер 9-го Оренбургского казачьего полка С. Попов даже написал патриотическую песню:

*От сибирских лесов
До морских берегов,
Наподобье железной ограды,
Через горы, кусты*

*Растянулись посты
 Казаков Оренбургской бригады.
 Охраняют они
 Ночи, целые дни
 Путь к морским берегам от японца.
 Он незваным пришел
 И войска к нам привел
 Из страны «Восходящего солнца»
 Неудачи в войне
 Всем понятны вполне...
 Но от этого Русь не слабеет.
 От подобных побед
 И урона, и бед
 Супостат наш немало имеет.
 О, родная страна!
 Ты проснешься от сна
 И, собравшись с новой силой,
 Через горы шагнешь
 И японцев сомнешь:
 Им Маньчжурия будет могилой!*

Против каждой японской дивизии Россия к середине 1905 года имела корпус. Япония была истощена, и в долгосрочной перспективе ее поражение являлось неизбежным. В армии ходили слухи о беспорядках в Японии и даже о возможной революции³⁸. Усилилась и Оренбургская казачья дивизия. Для нее были сформированы пулеметные команды (по шесть пулеметов на полк), прибывшие в Маньчжурию летом после прохождения курса обучения в Петербурге. Казаки научились воевать. Например, во время японского наступления на позиции отряда Грекова они выпустили по неприятелю 27,5 тысячи (!) патронов и не только приостановили наступление японцев, но и сами перешли в контратаку. Потери японцев тогда составили 20 человек убитыми и 15 ранеными — при значительном расходе боеприпасов все же не научились метко стрелять. Примерно до середины августа продолжалась эта «странная» война. С 12 часов дня 3 сентября вступило в силу перемирие.

Чем только ни занимались казаки в 1905 году помимо военной службы! Устраивали смотр, собирали деньги на строительство минного крейсера в Риге, наконец, несколько офицеров решили жениться. Устраивали кулачные бои, организовали свой театр, играли в войну при помощи китайских петард, ближе к зиме стали играть в снежки. Армия действовала и начала разлагаться. Существовала опасность распространения инфекционных заболеваний, которые уже развились в японских войсках. Командир 10-го Оренбургского казачьего полка Волжин жаловался начальнику дивизии, что в военное время он карал пьянство по всей строгости, а в мирное не может управиться с казаками. Единственный способ полковник видел в лишении пьяниц 75-рублевого пособия.

После ратификации Портсмутского мира дивизия стала готовиться к переходу на зимние квартиры. Войска до отправки в Россию предполагалось разместить в фанзах, землянках и шалашах. По распоряжению командующего армией войска планировалось ознакомить с содержанием Манифеста 17-го октября, причем требовалось разъяснять войскам, что «допускаемые Его Величеством указанным Манифестом населению незыблемые основы гражданской свободы отнюдь не могут быть поняты как ослабление воинской дисциплины и законных требований военной службы».

В ноябре-декабре стали возвращаться из Японии пленные казаки. Многие из них оказались в плену по вине командования, которое в суматохе боев просто забыло отдать приказ покинуть свои посты. Это часто были уже другие люди. Помимо хорошего обращения, японцы платили пленным деньги. Казаки получали по

50 копеек в месяц, урядники и вахмистры по 3 рубля. Разрешалось отправлять домой два письма в месяц.

При демобилизации дивизии было решено, что казна выгадает, если казаки продадут своих строевых лошадей государству (по прибытии в войско казаки перечислялись в третью очередь и могли не иметь строевых лошадей). Дело в том, что прокорм казачьей лошади до территории войска равнялся стоимости самой лошади (60–80 рублей).

17 декабря было получено распоряжение об отправке дивизии в Россию. 30 декабря домой с первым эшелоном дивизии отправились две сотни 10-го Оренбургского казачьего полка. 1 января 1906 года выехал штаб дивизии с пулеметными командами, 10 февраля штабной эшелон прибыл в Оренбург, а 4 марта расформирование штаба дивизии было завершено³⁹.

В ходе боевых действий Оренбургская казачья дивизия потеряла 2 офицеров и 45 казаков, пропали без вести 3 офицера и 71 казак, ранены и контужены 17 офицеров и 183 казака.

Один из современников маньчжурских событий писал: «Во время войны в Маньчжурии деятельность кавалерии почти не приходилось отмечать... Друзья конницы испытали полнейшее разочарование». Несмотря на это, вопрос об упразднении конницы вплоть до Первой мировой войны в армиях великих держав серьезно не ставился. Речь шла скорее о приспособлении ее к новым условиям ведения боевых действий. Японцы после войны пошли даже на увеличение численности своей конницы в 2 раза — до восьми кавалерийских дивизий. Тем не менее вместе с кавалерией в начале XX века в прошлое уходило и казачество.

Примечания

1. McElwee W. The Art of War. Waterloo to Mons. Birkenhead. 1974. P. 246.
 2. Цит. по: Фамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. СПб. 1906. С. 30–31.
 3. Нодо Л. Они не знали... М. 1905. С. 18.
 4. Baring M. With the russians in Manchuria. London. 1905. P. 190.
 5. McCullagh F. With the cossacks. Being the story of an Irishman who rode, with the cossacks throughout the russo-japanese war. London. 1906. P. 121.
 6. Baring M. Op. cit. P. 175.
 7. Врангель А. Генерал Врангель: доверие воспоминаний. Минск, 1999. С. 22.
 8. Зеленин Дм. У оренбургских казаков. Отд. отт. из вып. LXVII «Этнографического обозрения». М. 1906. С. 6.
 9. Фамильтон Я. Указ. соч. С. 98.
 10. См., напр., Редигер А.Ф. История моей

жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М. 1999. С. 376.
 11. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М. 2002. С. 705.
 12. «Фазанами» в армии пренебрежительно называли петербуржцев и офицеров гвардии. См.: Краснов П. Н. На рубеже Китая. Париж. 1939. С. 18.
 13. Цит. по: Ульянов Н. П. Сатира времен русско-японской войны//Новый Часовой. 2001. № 11–12. С. 216.
 14. РФВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 65. Л. 2-3, 5-5 об.
 15. McCullagh F. Op. cit. P. 222–223.
 16. РФВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 18.
 17. Там же. Д. 31417. Ч. 2. Л. 211.
 18. Кривошеков А. И. Оренбуржцы на Дальнем Востоке. Вып. 1. Шестая сотня 12-го полка. Троицк. 1913. С. 6.

19. РФВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31406. Ч. 2. Л. 15 об.
 20. Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков. Т. 1. Песни исторические. Оренбург. 1904. С. 264–265.
 21. Цит. по: Семенов В. Г. Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904—1905 гг.//Гостинный двор. Калуга. 1995. № 1. С. 169–170.
 22. РФВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 681. Л. 200.
 23. Там же. Л. 197; Ф. 846. Оп. 16. Д. 31410. Л. 17.
 24. Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба. Т. 1. Ч. 1. СПб. 1906. С. 77.
 25. Аничков Д. И. Пять недель в отряде генерала Мищенко. СПб. 1907. С. 10.
 26. Кривошеков А. И. Оренбуржцы... С. 38.
 27. РФВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31413. Л. 8, 9 об., 10 об.

28. Кривошеков А. И. Разбитый разезд. Троицк. 1913. С. 5, 8, 10; Он же. Оренбуржцы... С. 46.
 29. Кривошеков А. И. Оренбуржцы... С. 48.
 30. РФВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31408. Л. 18–19.
 31. Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж. 1969. С. 175; Свечин А. Русско-японская война. Ораниенбаум. 1910. С. 320.
 32. Иностранный журналист ошибается: оренбургские казаки имели фуражки со светло-синими околышами.
 33. McCullagh F. Op. cit. P. 247.
 34. РФВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31414. Л. 150 об.
 35. Там же. Д. 31417. Ч. 1. Л. 140 об.
 36. Зеленин Дм. Указ. соч. С. 23.
 37. Цит. по: Алушкин В. А. Русско-японская война 1904—1905 гг. М. 1911. С. 202.
 38. РФВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31417. Ч. 2. Л. 177 об.
 39. Там же. Д. 31406. Ч. 1. Л. 42.